

МОСКОВСКІЯ ПИСЬМА.

II.

На этотъ разъ побесѣдуемъ о московской публицистикѣ.

Московскія газеты волнуются. Все ихъ занимаетъ, ничто имъ не чуждо. Прусско-русская конвенція вызываетъ въ нихъ чувствительность, датско-голштинскій вопросъ наводитъ на соображенія. Императоръ Наполеонъ III не можетъ слова сказать безъ того, чтобъ этого слова не подхватили московскіе публицисты, и не похвалили его: очень ужъ хорошо дѣйствуетъ! Повидимому, великіе политическіе дѣятели для того только и существуютъ, великія политическія событія для того только и совершаются, чтобы доставить московскимъ публицистамъ случай выказать прозорливость! Однихъ они порицаютъ, другихъ поощряютъ... «Въ прусско-русской конвенціи, говорятъ, поступлено прекрасно, а въ голштинскомъ вопросѣ и того лучше»... Точно имъ кто нибудь кого нибудь защищать поручилъ! точно онѣ и въ самомъ дѣлѣ газеты! точно онѣ и не афишки!

Мало того, что волнуются: заключаютъ притворные союзы, производятъ притворныя ссоры.

— Постой, говорятъ «Московскія Вѣдомости» «Нашему Времени»: — я сначала задеру о прусско-русской конвенціи...

— А я буду молчать, отвѣчаетъ «Наше Время».

— А если тебя спросятъ: зачѣмъ ты молчалъ?

— А я скажу: я ждалъ!

Или:

— Надо намъ поссориться! говорятъ «Московскія Вѣдомости».

— Будемъ ссориться! отвѣчаетъ «Наше Время».

— Надо намъ доказать, что мы не одного поля ягоды!

— Будемъ доказывать!

— Что мы не изъ одного источника пьемъ воду!

— Да вѣдь мы изъ одного?

— Это нужды нѣтъ, что изъ одного, а мы будемъ доказывать, что не изъ одного!

— Будемъ!

И начинаютъ доказывать, начинаютъ спорить и соглашаться, и опять спорить, и опять соглашаться! Точно онѣ и взаправду газеты! точно онѣ не афишки!

Но все это волненіе происходитъ лишь по вопросамъ виѣшней политики; по вопросамъ же внутренней политики все обстоитъ тихо. О мирной агитаціи, которую нѣкогда возбуждалъ «Русскій Вѣстникъ», нѣтъ и помину; очевидно, что всѣ вопросы уже исчерпаны, очевидно, русская жизнь уже обставилась, по инициативѣ «Русскаго Вѣстника», надлежащими гарантіями, очевидно, теперь остается только пользоваться плодами и молчать. Такъ и поступаютъ московскія газеты.

Но такъ какъ безъ вопросовъ и времяпрепровожденія все-таки обойтись нельзя, то и пресса наша предположила до поры до времени заняться мирной агитаціей по слѣдующимъ тремъ существеннымъ вопросамъ:

1) По вопросу объ опаздываніи поѣздовъ николаевской желѣзной дороги.

2) По вопросу о дурномъ поведеніи машиниста московскихъ театровъ, г. Вальца.

и 3) По вопросу о выборахъ въ члены новаго московскаго городского управленія.

Что поѣзды николаевской желѣзной дороги опаздываютъ — это вообще весьма прискорбно; но еще прискорбнѣе то, что они не привозятъ въ Москву ни «Русскаго Инвалида», ни «Сѣверной Почты». Московскія газеты теряются, ибо лишаются вдохновенія (16 февраля «Московскія Вѣдомости» заявили объ этомъ съ особеннымъ негодованіемъ). Въ самомъ дѣлѣ, не изъ головы же сочинять руководящія статьи! не выдумывать же самимъ факты въ родѣ того, что въ такомъ-то селеніи, такого-то уѣзда и губерніи семилѣтняя крестьянская дочь Прасковья Тимофеева съѣдена свиньею! А вѣдь факты эти драгоцѣнные, ибо доказываютъ нравственное состояніе русскаго народа! И не столько этимъ еще полезны, сколько тѣмъ, что, при помощи ихъ, можно наполнить цѣлый столбецъ газеты... безвозмездно! А приказы

о производствѣ въ чины? А распоряженія разныхъ вѣдомствъ? «Развѣ мы взаправду газеты! кстати догадываются при этомъ московскія газеты: — развѣ мы не афишки!»

И. С. Аксаковъ, въ 7 № «Дня», съ свойственнымъ ему огорченіемъ (Иванъ Сергѣичъ вообще очень любитъ огорчаться: онъ огорчается и тѣмъ, что вездѣ царствуетъ ложь, и тѣмъ, что за построеніе въ западныхъ губерніяхъ православныхъ церквей наградили г. Четверикова орденомъ, и тѣмъ, что г. Батюшковъ не такъ его понялъ), говоритъ, что «современная русская журналистика напоминаетъ, въ большей части своихъ представителей, бывшіе оркестры музыкантовъ, которыхъ помѣщики старались выдавать за вольныхъ артистовъ». Это правда, но рѣшительно не понимаю, что же тутъ огорчительно? Напротивъ того, это очень пріятно. По крайней мѣрѣ, тутъ нѣтъ ни напускной важности, ни чародѣйства, ни всѣхъ тѣхъ декорацій, до которыхъ такіе страстные охотники москвичи. Тутъ дѣло ясное: крѣпостные музыканты — и все тутъ; всѣмъ такъ и извѣстно, что крѣпостные музыканты. И никому не придетъ даже въ голову предположить, что это музыканты вольные: вѣдь не вѣрилъ же пикто, когда помѣщики божились, завѣряя, что ихъ крѣпостные музыканты суть вольные артисты — ну, и въ настоящемъ случаѣ, никто не повѣритъ! Это фактъ—и больше ничего. Такая ясность и опредѣлительность положенія дѣлаетъ отношенія весьма легкими. Знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло, знаешь, зачѣмъ и куда идешь, и не путаешься. Въ прошломъ моемъ письмѣ, я говорилъ о чувствѣ трепета, которое меня объемлетъ при одномъ упоминеніи о различныхъ московскихъ заведеніяхъ. Отчего же этотъ трепетъ никогда не овладѣваетъ мною, когда я проѣзжаю, на примѣръ, мимо редакцій тѣхъ журналовъ, которые г. Аксаковъ такъ остроумно называлъ «крѣпостными музыкантами?» А оттого и не овладѣваетъ, что я знаю, что тутъ нѣтъ ни возмнній, ни жертвоприношеній, что тутъ работаютъ люди, которыхъ сердца столь же прозрачны, какъ бы они изъ стекла были сдѣланы! Это, быть можетъ, единственное исключеніе изъ всѣхъ явленій московской жизни, которое рекомендуетъ себя просто и опредѣлительно. Я знаю, что здѣсь я не могу ошибиться; я знаю, что никто мнѣ не будетъ выдавать за философію то, что, въ дѣйствительности, не болѣе, какъ балетъ, въ которомъ неизвѣстное принимается за извѣстное, да потомъ посредствомъ этого неизвѣстнаго—извѣстнаго и объясняются дальнѣйшія судьбы дѣйствующаго

щихъ лицъ. Я знаю, что никто не будетъ мнѣ заволакивать глаза народностью, тогда какъ, чуть дѣло коснется практики, то эта «народность» оказывается, право, ничѣмъ не хуже государственности, даже краше ея.

Напротивъ того, мнѣ прямо такъ и скажутъ, что философіи нѣтъ, а балетъ есть, и что онъ покамѣстъ необходимъ («разумѣется для массъ, милостивый государь! для массъ, а не для насъ съ вами!») объяснить мнѣ — не скроютъ даже и этого!); что народность вздоръ, а вотъ государственность не вздоръ, потому что необходима.

Вотъ, на примѣръ, и теперь: я читаю въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что «Русскаго Инвалида» и «Сѣверной Почты» въ Москву не доставлено, — ну, и знаю, что московская пресса на этотъ разъ исключительно займется полемикою гг. Пановскаго и Арновскаго съ г. Вальцемъ и московскими городскими выборами. Это меня радуетъ, потому что и самъ я больше склонности чувствую къ маленькимъ вопросамъ, нежели къ большимъ. Ну ихъ, эти большіе вопросы! еще бѣды съ ними наживешь! Станешь разсуждать, пожалуй, — и вдругъ тебѣ скажутъ: врешь, не такъ разсуждаешь... ну ихъ!

О вы, которые любуетесь на сценѣ большаго театра великолѣпно поставленными балетами, вы, передъ глазами которыхъ летаетъ и носится пернатый рой корифеекъ, исчезаютъ и появляются цѣлые лѣса и долины, увядаютъ и распускаются цѣлые кусты розъ! Быть можетъ, вы думаете, что все это точно такъ и происходитъ, какъ вамъ представляется? что корифейки эти дѣйствительно духи долинь, равнинъ, горъ, рѣкъ, озеръ, свѣта и тьмы, что кусты розъ дѣйствительно распускаются и дѣйствительно увядаютъ? что г-жа Богданова дѣйствительно плаваетъ, а г-жа Лебедева дѣйствительно летаетъ?

Увы! благодаря неисправной доставкѣ «Сѣверной Почты», вы должны во всемъ этомъ разочароваться! Вотъ уже нѣсколько недѣль сряду, фельетонисты «Московскихъ Вѣдомостей» и «Нашего Времени» всеусерднѣйше доказываютъ почтеннѣйшей публикѣ, что духи совсѣмъ не летаютъ, цвѣты совсѣмъ не распускаются, но что это все производитъ г. Вальцъ, который, однакожь, производитъ это такъ плохо, что даже они, фельетонисты, это запримѣтили.

Славно этому г. Вальцу жить въ подпольномъ его царствѣ! Велика, почти безгранична власть этого подпольнаго духа! Пред-

ставьте себѣ, онъ не только можетъ любой танцовщицѣ переломить ногу или руку, но даже имѣетъ право любую изъ нихъ прищемить или инымъ образомъ лишить жизни! И по всему видно, что онъ пользуется этою властью во всемъ ея пространствѣ — по крайней мѣрѣ, такъ удостовѣряютъ гг. Пановскій и Арновскій, по свидѣтельству которыхъ г. Вальцъ, въ теченіи прошлаго зимняго сезона, уже распорядился изувѣченіемъ нѣсколькихъ танцовщицъ. Если вѣрить г. Пановскому, стоитъ только танцовщицѣ не понравиться г. Вальцу, какъ онъ тотчасъ же и распорядится: или прищемить ее, или повредить ей руку. Это же самое подтверждаетъ и г-жа Надежда Богданова, которая собственнымъ опытомъ убѣдилась, что идти противъ г. Вальца дѣло рискованное, и потому рѣшилась оставить балетъ и сдѣлаться публицисткою.

Какіе виды имѣетъ г. Вальцъ, дѣлая свои членовредительныя распоряженія? Ужели онъ удовлетворяетъ этимъ только природной неучтивости своего сердца? Или, напротивъ того, онъ этимъ удовлетворяетъ учтивости своего сердца?

Не знаю, какъ г. Вальцъ, но будь на его мѣстѣ я, — я удовлетворялъ бы только учтивости своего сердца! Помилуйте, да вѣдь это больше, нежели обольщеніе! Прищемить! переломить ногу! да кто же устоитъ противъ такого обольщенія!

Г. Вальцъ, разумѣется, оправдывался; онъ говорилъ, что во время представленія балета «Наяда и рыбакъ» былъ въ Петербургѣ — оказалось, что онъ и изъ Петербурга долженъ былъ усматривать; онъ говорилъ, что танцовщицы ломаютъ себѣ руки оттого, что не слушаются режиссера, — оказалось, что г-жа Богданова слушалась; онъ говорилъ, что для него всѣ танцовщицы равны — оказалось: гм... ну, гм... ну, всяко бываетъ! онъ говорилъ, что состоитъ машинистомъ чуть ли не тридцать лѣтъ — оказалось, что это ничего; онъ говорилъ, что многіе иностранцы видѣли машины московскихъ театровъ, удивлялись имъ, — оказалось, что и это ничего...

Однимъ словомъ, г. Вальцъ былъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ, а московская пресса провозгласила: ну вотъ, и еще маленькая побѣда! вотъ и еще маленькій трупъ, растерзанный посредствомъ мирной агитаціи!

Вотъ главнѣйшіе результаты, которыхъ достигла московская публицистика, по части внутренней политики, въ теченіи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ. Всѣ отъ прусско-русскія конвенціи, всѣ

эти политическіе вопросы, — все было примѣрное, притворное, допущенное съ единственною цѣлью какъ нибудь различиться отъ простыхъ афишъ. Собственно задоръ и полемическая страстность только и выказались по вопросу о г. Вальцѣ.

Не знаю, посѣщаетъ ли г. Юркевичъ балеты и слѣдитъ ли онъ за полемикою, возникшею по поводу самовластныхъ распоряженій г. Вальца, но если онъ посѣщаетъ балеты и слѣдилъ за полемикою, то открытія, сдѣланныя гг. Пановскимъ и Арновскимъ, должны были задать ему трудную задачу.

Подтверждаютъ ли балеты его философскую систему или опровергаютъ ее? Можетъ ли онъ сослаться на нихъ во время публичныхъ лекцій о философіи, которыя предполагаетъ прочесть въ теченіи великаго поста?

Съ одной стороны, подтверждаютъ, потому что въ философской этой системѣ, точно такъ же, какъ и въ балетѣ, есть свое подпольное царство, въ которомъ сидитъ своего рода Вальцъ и приводитъ въ движеніе всю эту механику.

Съ другой стороны, опровергаютъ, потому что Вальцъ балетный есть существо конкретное и, стало быть, осязаемое, а Вальцъ г. Юркевича есть существо, которое онъ самъ уловить до сихъ поръ не успѣлъ.

Но во всякомъ случаѣ, г. Юркевичъ долженъ убѣдиться, что посредствомъ Вальца всякія балетныя упражненія объясняются съ легкостью изумительною.

Но балетная полемика, по видимому, уже истощилась. Г-жа Надежда Богданова нанесла послѣдній ударъ г. Вальцу и доказала положительнымъ образомъ, что этотъ властелинъ подпольнаго царства, нанося танцовщицамъ раны и увѣчья, ничѣмъ не руководствуется, кромѣ своего усмотрѣнія. Совсѣмъ другое зрѣлище представляетъ полемика, возникшая по поводу городскихъ выборовъ: она рѣшительно угрожаетъ быть нескончаемою.

Признаться сказать, мы нѣсколько оплошали на выборахъ. Чтобъ было ясно, до какой степени мы оплошали, надо васъ предупредить на счетъ того, что для насъ сдѣлано. Для насъ сдѣлано то, милостивые государи, что мы, московскіе обыватели, относительно правъ состоянія, сравнены съ петербуржцами! Новаго собственно, конечно, ничего, но вѣдь въ этомъ-то и важность, что ничего новаго. Значитъ, мы можемъ шествовать по слѣдамъ стараго, и притомъ шествовать, не отступаясь. И, сверхъ того, мы можемъ служить примѣромъ для другихъ

городовъ, которые, однакожь, никакого вниманія на насъ не обращаютъ. Извѣстно, напримѣръ, намъ, что въ Петербургѣ новая система городского управленія, введенная въ 1846 или въ 1847 году, породила въ обществѣ какія-то толкованія, вотъ мы, москвичи, и мотаемъ теперь себѣ на усъ, чтобъ этого у насъ не было. Извѣстно намъ также, что въ Петербургѣ, не смотря на толкованія, дѣло обошлось какъ нельзя лучше, т. е. городское управленіе осталось городскимъ управленіемъ, а не деженерировало во что-то другое, — вотъ мы, москвичи, и мотаемъ себѣ на усъ, чтобъ и у насъ было то же самое. По видимому, похвальнѣе такихъ намѣреній быть ничего не можетъ.

Сверхъ того, не надо забывать, что, наподобіе петербургскаго самоуправленія, мы приобрѣли для себя одно весьма важное право: дѣятельными членами нашего городского общества сдѣлались домовладѣльцы-дворяне; стало быть, отъ насъ теперь зависитъ, если пожелаемъ, стать подъ команду гг. Каткова или Леонтьева, которые, въ качествѣ московскихъ домовладѣльцевъ, имѣютъ право быть и московскими воеводами. Эта послѣдняя мысль соблазнила даже И. С. Аксакова; по крайней мѣрѣ, въ 7-мъ № «Дня» онъ только о томъ и хлопочетъ: «выберите, говоритъ, городского голову изъ дворянъ! увидите, какихъ онъ вамъ дѣлъ надѣлаетъ»!..

И все-таки оказывается, что сердца наши недостаточно приготовлены даже для такихъ похвальныхъ намѣреній: не могутъ ихъ вмѣстить. Представьте себѣ, что изъ тысячи шести сотъ слишкомъ дворянъ-домовладѣльцевъ, имѣющихъ право голоса на выборахъ, воспользовалось этимъ правомъ менѣе трехъ сотъ человѣкъ, а прочія сословія выказали равнодушіе даже бѣльшее. Чѣмъ можно объяснить себѣ подобное явленіе? тѣмъ ли, что у москвичей есть вкусъ (чувство гадливости), или же тѣмъ, что Москва ни примѣра съ кого бы то ни было брать не хочетъ, ни сама кому либо примѣромъ служить не желаетъ? «Буду, говоритъ, брать примѣръ съ самой себя, да и служить примѣромъ тоже только самой себѣ буду: хоть и яичница у меня, однако своя собственная!»

Какъ бы то ни было, но тѣ москвичи, которые воспользовались своимъ правомъ, оказались именно такими гражданами, какими быть москвичамъ надлежитъ. Напримѣръ, дворянъ-избирателей собиралось въ залу благороднаго собранія отъ 150 до 280 человѣкъ, и изъ нихъ предстояло выбрать сто выборныхъ; ясно,

стало быть, что господа избиратели могли дѣйствовать широкой рукой: ты выбери меня, а я выберу тебя. Это первое (зачѣмъ же они шары-то класть трудились?). Во вторыхъ, они клали другъ другу шары, сопровождаемые какими-то провожатыми, но и тутъ-таки ухитрились такъ устроить, что у нѣкоторыхъ избранныхъ оказывалось шаровъ вдвое болѣе противъ наличнаго числа избирателей. Значитъ, вышло тутъ чудо, и, что чуднѣе всего, чудотворами оказались тѣ самые провожатые, которые именно должны были наблюдать, чтобъ никакого чуда не было. Въ особенности изряднымъ чудотворомъ выказалъ себя нѣкто К—нъ, который и былъ отъ этой должности немедленно отрѣшенъ. Я этого К—на знаю: ничего, мужчина хорошій! До сихъ поръ, онъ избѣгалъ всякихъ исторій, однако тутъ не избѣгъ: стало быть, нельзя было—глядѣли! До сихъ поръ, онъ попадалъ всюду, куда попадать хотѣлось, однако тутъ не попалъ: стало быть, нельзя было — не пустили! Это напоминаетъ мнѣ разговоръ, происшедшій между двумя почтенными гражданами по поводу одного спорнаго платка.

— А вы бы, Иванъ Петровичъ, его полегоньку въ карманъ схоронили!

— Нельзя, братецъ! глядятъ!

— Такъ вы бы, Иванъ Петровичъ, сами полегоньку въ публику схоронились!

— Нельзя братецъ! не пускаютъ! говорятъ: иди въ часть!

Въ третьихъ, москвичи, уставши класть шары или проголодавшись, безъ церемоній уѣзжали домой и тамъ облакались въ халаты. Отъ этого происходило, что въ началѣ собранія шли нѣсколько монотонно, а подъ конецъ оживлялись. «Мнѣ три шара! мнѣ четыре шара!» раздавалось со всѣхъ сторонъ. Ну, разумѣется: бери хоть девять, только клади! Въ четвертыхъ, нѣкоторые сословные первымъ дѣломъ устроили у себя буфеты, въ которыхъ и поздравляли Москву съ новымъ управленіемъ. Это тоже очень помогало дѣлу, ибо придавало ему разнообразіе и какой-то пестрый видъ. Сказываютъ, что одинъ купецъ баллотировался въ выборные и почтенъ былъ этого званія 6 избирательными шарами противъ 161 неизбирательнаго. Однако, онъ не впалъ въ уныніе; вышелъ изъ буфета въ залу и закричалъ «ура!» Развеселились. Разумѣется, выбрать все-таки не выбрали, однако развлеклись—таки порядочно. Чтожъ, и на томъ спасибо, что полезное съ приятнымъ соединяютъ!

При видѣ подобныхъ фактовъ, на многихъ напало раздумье. М. Н. Катковъ скорбитъ, однако не говоритъ; Н. Ф. Павловъ радуется, но до поры до времени тоже не говоритъ. Оба они предпочитаютъ, чтобъ въ ихъ газетахъ происходили непрестанные турниры, которые, какъ извѣстно, вознагражденія не требуютъ, а журналамъ все-таки придаютъ оживленіе. Когда полемизаторы истощатъ свои убѣжденія, когда доведутъ дѣло до той степени темноты, что читателямъ ничего разобрать нельзя будетъ, тогда наши знаменитые публицисты скажутъ и свое слово. М. Н. Катковъ скажетъ: «кто же могъ этого ожидать?»; Н. Ф. Павловъ скажетъ: «ну, вотъ и дали! ну, вотъ и дали!» И цѣлый годъ будетъ такимъ образомъ дразниться въ доказательство того, что давать никогда ничего не слѣдуетъ.

Если вы меня спросите, какого я мнѣнія объ этомъ предметѣ, я откровенно отвѣчу вамъ: не знаю. Думаю, однакожь, что всѣ замѣшательства и даже нѣкоторые робкіе опыты претидигаторства произошли отъ того, что мы, москвичи, еще не умѣемъ: никто намъ этого, какъ слѣдуетъ, не показалъ. Впрочемъ, худаго отъ этого еще не Богъ знаетъ что произошло: самое худшее, что могло выйти, — это-то, что лица, которыя въ дѣйствительности не были выбраны, оказались выбранными, а тѣ лица, которыя были выбраны, оказались невыбранными. И только.

Само собой, однако, разумѣется, что эту легкую неисправность устранить необходимо. Конечно, мы не можемъ, мы не должны, мы не имѣемъ права терпѣть равнодушно, чтобы даже малѣйшая тѣнь легла на наше самоуправленіе. Поэтому мы обязаны изыскать средства: средствъ этихъ много.

Во первыхъ, можно лучшихъ изъ москвичей (излюбленныхъ гражданъ) послать на казенный счетъ за границу, чтобы тамъ нагляднымъ образомъ научиться, какимъ образомъ шары сами собой переходятъ съ правой стороны на лѣвую.

Во вторыхъ, можно изъ Англій выписать нѣсколько лордовъ (я увѣренъ, эта идея поправится М. Н. Каткову), которые покажутъ у насъ намъ дома, какимъ образомъ слѣдуетъ производить выборы.

Въ третьихъ, наконецъ, можно и должно закрыть при залахъ собраній буфеты.

Это послѣднее условіе необходимо выполнить немедленно. А то помидуйте: самъ себѣ кричитъ человекъ «ура!» — на чтожь это похоже!

Въ этомъ, покаместъ, состоитъ вся наша общественная жизнь; на этомъ же сосредоточивается и вся дѣятельность нашихъ публицистовъ, по части внутренней политики. Поэтому, если письмо мое вышло мало разнообразно, прошу не осудить меня. Я хотѣлъ писать вамъ о московской наукѣ, о московской народности, о московской праздности, о московскомъ обжорствѣ, но нельзя же упустить такой фактъ, какъ зачатки московскаго самоуправления. Наука, народность и обжорство отъ насъ не уйдутъ, а самоуправленіе-то, еще Богъ знаетъ, что скажетъ! А ну, какъ Н. Ф. окажется правъ? А ну, какъ намъ, вслѣдъ за нимъ, придется только повторять: «ну, вотъ и дали! ну, вотъ и дали!»

Стало быть, объ наукѣ—до слѣдующаго письма; теперь же заключу мое посланіе нѣсколькими мелкими слухами.

Носится слухъ, что, по старости лѣтъ г. Пановскаго, должность фельетониста «Московскихъ Вѣдомостей» не можетъ быть при немъ оставлена. А такъ какъ онъ обладаетъ большою наблюдательностью и несомнѣннымъ изяществомъ манеръ, то и рѣшено: отпускать его на балы съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи оттуда, пересказывалъ все видѣнное Байбородѣ, который уже и будетъ сообщать публикѣ о томъ, кто гдѣ былъ, что ѣлъ и съ кѣмъ шептался.

Носится слухъ, что нѣкто, увидѣвъ въ англійскомъ клубѣ М. П. Лонгинова, сказалъ: «сей человекъ утонулъ, распухъ, да съ тѣхъ поръ въ одномъ видѣ и остался».

О трудахъ Михаила Николаевича извѣстно слѣдующее: въ первыхъ, онъ на дняхъ издалъ изслѣдованіе по поводу словъ: *la legalité nous tue*. Оказывается, что ихъ сказалъ во Франціи депутатъ *Vienné* (онъ же академикъ и баснописецъ), который, однакожь, ихъ не говорилъ. Во вторыхъ, онъ ждетъ, не совреть ли еще ктонибудь чегонибудь, чтобы тотчасъ же написать еще новое изслѣдованіе. Въ третьихъ, онъ приготовляетъ къ изданію полное собраніе сочиненій А. А. Краевскаго и изыскиваетъ средства для составленія его біографіи.

Для того, чтобы эта послѣдняя была сколь возможно полнѣе, Михаилъ Николаевичъ не жалѣетъ никакихъ издержекъ. Съ этою

дѣлю: 1) онъ командировалъ г. Геннади въ гор. Чебоксары, чтобы узнать, не былъ ли тамъ Андрей Александрычъ, а если былъ, то что говорилъ и что ѣлъ; 2) въ самое лоно редакціи «Отечественныхъ Записокъ» подослалъ библіографа Ээирова, который обязанъ, подъ видомъ сотрудничества, собирать на мѣстѣ различныя черты изъ жизни ученаго редактора и сообщать ихъ Михаилу Николаевичу; 3) чтобы маскировать этотъ подсылъ и поселить въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» неограниченное довѣріе къ г. Ээирову, завелъ съ нимъ библіографическій споръ.

* *

Носятся слухи, что скоро послѣдуетъ окончательное примиреніе между М. Н. Катковымъ и Н. Ф. Павловымъ. Необходимымъ условіемъ признано, чтобы первое свиданіе происходило ночью и въ неосвѣщенной комнатѣ.

* *

Носятся слухи, что примиренія этого не будетъ, потому что М. Н. Катковъ требовалъ, чтобы при первомъ свиданіи непременно присутствовалъ П. М. Леонтьевъ.

* *

Носятся слухи, что примиреніе уже послѣдовало.

* *

Носятся слухи, что примиренія не было и не будетъ.

* *

Носятся слухи, что книжечка «Русскаго Вѣстника» ни за январь, ни за февраль, ни за мартъ, ни за апрѣль, ни за май не будетъ. Первая книжка будетъ за іюнь, но и она выйдетъ въ октябрѣ.

* *

Отъ этого одинъ изъ подписчиковъ, получивъ книжку въ октябрѣ, подумаетъ, что на дворѣ еще іюнь и пойдетъ купаться. Искушавшись, схватитъ горячку и умретъ.

* *

На похоронахъ будетъ М. Н. Лонгиновъ, который скажетъ, что только Богъ его спасъ отъ подобной же участи.

* *

Носятся слухи, что М. П. Погодинъ скажетъ рѣчь, а М. С. Щепкинъ заплачетъ. По этому случаю М. П. Погодинъ и еще скажетъ рѣчь, а М. С. Щепкинъ и еще заплачетъ. Н. Х. Кетчеръ

уведеть Михаила Семеныча домой и упрекнетъ Михаила Петровича: вѣдь вы совсѣмъ старика разстроили!

Носятся слухи, что М. С. Щепкинъ въ настоящемъ году возьметъ послѣдній бенефисъ и выйдетъ въ отставку.

Гг. Шумскій и Самаринъ прослезятся. — Если вы, Михаилъ Семенычъ, оставляете сцену, то и мы выходимъ въ отставку! — Служите! служите молодые люди! на васъ вся моя надежда! отвѣтитъ Михаилъ Семенычъ, и будетъ плакать вплоть до самой квартиры Н. Х. Кетчера.

Носятся слухи, что гг. Шумскій и Самаринъ останутся на сценѣ, потому что М. С. Щепкинъ тоже съ своей стороны подумываетъ, не послужитъ ли ему еще годикъ, другой.

Носятся слухи, что, по случаю избранія М. Н. Каткова въ выборные по городскому общественному управленію, будетъ въ англійскомъ клубѣ устроены парадный обѣдъ, на которомъ будутъ подавать скунксовую кулебяку и жаренаго швейцара. М. Н. Катковъ не будетъ ничего ѣсть.

Носятся слухи, что издателю «Искры», г. Степанову, заказана картина: на горѣ стоитъ М. Н. Катковъ, по бокамъ у него гг. Леонтьевъ и Георгіевскій; внизу, въ оврагѣ, стоитъ г. Пановскій и не знаетъ, что ему дѣлать; въ сторонѣ почиваетъ М. Н. Лонгиновъ, ротъ у него облѣпили мухи; вдали посипѣшаетъ г. Геннади (одежда празелень, борода до чреслъ, внизу раздвоенная): боится, чтобы М. Н. не потускнѣлъ безъ него; еще далѣе, виднѣется пламя, среди котораго мучится Н. Ф. Павловъ. Если г. Степановъ сумѣетъ выполнить эту задачу хорошо, то ему обѣщана та самая іюньская книжка «Русскаго Вѣстника», которая выйдетъ въ октябрѣ, съ предупрежденіемъ, что купаться въ день полученія не слѣдуетъ.

Носятся слухи, что М. Н. Катковъ каждую ночь видитъ самаго себя во снѣ.